***Г. А. Мартинович*. Введение (о некоторых проблемах изучения лексической семантики и лексической системности) // Мартинович Г. А. Текст и эксперимент. СПб., 1993. – С. 3 – 44.**

1. Некоторые проблемы изучения лексики и лексической семантики в отечественном языкознании

В лингвистике, как и в любой другой науке, в зависимости от целого ряда причин (уровня развития человечества и отдельных сообществ людей, науки вообще и частных наук, целей и задач исследования, индивидуальности ученого и т. д.) в центре внимания субъектов научной деятельности могут оказаться различные стороны изучаемых ими объектов (форма – содержание – функция), выделяться те или иные предметы научного анализа. В связи с этим постоянно возникают, сосуществуют и сложно переплетаются, взаимодействуют и расходятся, сменяют и обогащают друг друга, развиваются и деградируют различные лингвистические направления (школы, течения), различные методологии (совокупности методов, способов и приемов) частных наук и науки в целом.

Характерной чертой лингвистики XX века является усиленное внимание к различного рода системно-структурным исследования языка, рассматриваемого прежде всего в качестве оригинальной естественной системы двусторонних (план содержания – план выражения) знаков и правил их употребления. Начало таких исследований обычно связывают с именем выдающегося женевского лингвиста конца XIX начала XX веков Фердинанда де Соссюра (1857-1913). Они в той или иной мере затронули все уровни и подуровни языка и осуществлялись как в области изучения формы, так и содержания.

В отечественной лингвистике у истоков системного подхода к изучению языка (лексики и лексической семантики в частности) стоит ряд известных ученых XIX – XX веков: А. А. Потебня (1835-1891), И. А Бодуэн де Куртенэ (1845-1929), Н. В. Крушевский (1851-1929), А. А. Шахматов (1864-1920), М. И. Покровский (1869-1949), А. М. Пешковский (1878-1933) и другие.

Их основные идеи были успешно развиты в трудах Л. В. Щербы (1860-1944), Б. А. Ларина (1893-1964), В. В. Виноградова (1895-1969). Особенно интенсивно системно-структурные исследования в области лексики и лексической семантики начали осуществляться у нас в стране с начала 50-х годов XX века. Это, например, работы Ю. С. Сорокина, Ф. П. Филина, А. И. Смирницкого, В. А. Звягинцева, Р. А. Буда-

гова, Д. Н. Шмелева, Б. А. Серебренникова, С. Д. Кацнельсона, Л. М. Васильева и многих других исследователей.

Наряду с этим в последние десятилетия в связи с общими тенденциями развития науки появляется целый ряд новых (подчас излишне авангардистских и модернистских) направлений научной деятельности, использующих свои собственные методы анализа и ориентирующихся на формализацию и структурализацию как самого изучаемого объекта, так и наших знаний о нем. Так, широкую известность получают формально-структурные исследования содержательной стороны языка («смысла») А. К. Жолковского, И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна. Основную задачу эти авторы видят в предельно жесткой формализации семантики естественного языка с целью создания программ (механических, автоматических) преобразований по модели смысл ↔ текст. Возможность и правомерность необходимых в этом случае процедур обосновывается, исходя из следующего, пожалуй, наиболее четко и откровенно сформулированного И. А Мельчуком постулата: «*Естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы*»[1]. При этом утверждается:

1. Смысл не доступен лингвисту в прямом наблюдении.

2. Смысл представляет собой конструкт.

3. Чтобы со смыслом можно было как-то обращаться в рамках научного исследования, мы должны уметь описывать его на некотором (в достаточной степени формальном) языке[2].

Для выполнения поставленных задач авторам необходим специальный (однозначный; лучше всего, очевидно, – просто **цифровой**) «машинный» язык, возможность искусственного создания и применения которого обосновывается ими, исходя из признания факта «существования некоего не данного нам в прямом наблюдении

---

[1] Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «смысл ↔ текст». М. 1974. – С. 9. Ср. в связи с этим замечание Т. П. Ломтева: «Представители структурной лингвистики, стоящие на философских позициях современного логического позитивизма, считают, что познание сущности лингвистических явлений не является целью лингвистических исследований». Ломтев Т. П. О методах объективного анализа грамматических средств языка // Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание. М., 1976. – С. 31 и следующие.

[2] Мельчук И. А. Указ. соч. – С. 10.

семантического языка, или «языка мысли»» и «семантического тождества (!? – Г. М.) внешне различных высказываний». «Производство осмысленного текса» рассматривается в этом случае «как перевод с семантического языка на естественный», а «понимание предложения – как перевод с естественного языка на семантический»[3]. В то же время все сугубо формальные преобразования осуществляются авторами на основе полной неопределенности (и принципиальной неопределяемости) основного (исходного) понятия, используемого в исследованиях подобного рода, – понятия равнозначности текстов: «С формальной точки зрения понятие равнозначности является у нас неопределяемым. Содержательно же некоторые тексты называются равнозначными, если носители данного языка утверждают, что «эти тексты означают одно и то же», что «в них содержится одна и та же информация». Проще говоря, понятие равнозначности текстов принимается как интуитивно очевидное»[4], что признается вполне правомерным. Но именно эта, в корне ошибочная, по нашему мнению, посылка и предопределяет некорректность, мягко говоря, всех дальнейших построений, несмотря на всю их наукообразную привлекательность. Такой подход, например, позволяет авторам признавать абсолютную смысловую тожественность следующих выражений: *эта мысль приводит его в ужас, приводит его в трепет, наводит на него ужас (страх); при (от) мысли он приходит в ужас, испытывает ужас (страх, трепет); при (от) мысли его охватывает ужас (страх, трепет)* и т. д.[5], а также естественных высказываний и их формальных преобразований на искусственном семантическом языке: «*Его так и подмывало спросить, где же Иван был раньше*» ↔ «*Внутренний фактор каузировал X-а хотеть сделать B* (точнее было бы: «исполнить «хотение» сделать B» – Г. М.) *и X с трудом каузировал себя воздержаться от B*»[6].

---

[3] Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. – С. 253.

[4] Мельчук И. А. Указ. соч. – С. 10. Ср., например: «Смысл – это языковое значение, примененное к конкретному денотату (в этом суть актуализации) плюс энциклопедическая, ситуативная и контекстуальная информация». Васильев А. М. Семантика русского глагола. М., 1981. – С. 20. См. также: Михайлов В. А. Смысл и значение в системе речемыслительной деятельности. СПб., 1992.

[5] Мельчук А. И. Указ. соч. – С. 31.

[6] Апресян Ю. Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М., 1974. – С. 108.

Результаты этих исследований сводятся главным образом к выстраиванию очень сложных формально-логических схем естественных высказываний. При этом, конечно, подразумевается, что схема синонимических (= тождественных) высказываний будет одна и та же. Однако именно **смыслы** (а не абстрактный формально-логический инвариант значений, конструкт этих значений)[7] таких, например, выражений, как «*он хотел пойти в кино*», «*ему хотелось пойти в кино*», «*он стремился пойти в кино*», «*его подмывало пойти в кино*», «*он желал пойти в кино*», «*он жаждал пойти в кино*» и т. п. являются, несомненно, различными и неповторимыми во всей своей полноте и целостности, они – **уникальны**. Каждая из этих фраз выражает именно то, что **только она одна** должна и может выражать. Утверждение же их семантического *тождества* (то есть равенства ***при всех условиях***) вольно или невольно уводит в область голых абстракций и необходимо требует признания раздельности, некоего параллелизма, а не диалектического единства формы и содержания[8]. Каждый собственно «человеческий» смысл существует в нас не сам по себе, а сформирован только при помощи языка (слова) и существует только в языковом оформлении («Слово – объект осознания, но и способ и механизм осознания». А. А. Леонтьев. «Мысль не выражается, но совершается в слове». Л. С. Выготский). Значение **каждого полнозначного** слова есть результат всего жизненного (в том числе и речевого) опыта носителей языка и неотделимо от этого опыта, то есть от опыта встреч с данным конкретным словом в процессах реального речевого общения людей при осуществлении ими конкретных (в определенных условиях места и времени) деятельностей, а следовательно, оно неотделимо от коллективного опыта предшествующих и нынешних поколений, от всего культурно-исторического опыта народа. Поэтому любые перифразы могут лишь с большей или меньшей точностью указы-

---

[7] Мельчук И. А. Указ. соч. – С. 10. Если действительно имеется в виду только именно такой инвариант, то в этом случае конкретная естественная человеческая речь остается просто в стороне, так как она значительно его богаче.

[8] Отметим, что в текстах-схемах, созданных на этом однозначном искусственном семантическом языке, смысл также не может быть дан нам в прямом наблюдении и также должен представлять собою некий «конструкт», хотя, возможно, и более низкого порядка. Критическое рассмотрение работ этого направления см.: 1) Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975; 2) Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.

вать на значения перифразируемых слов и выражений, но никак **не заменять** эти значения в полном объеме.

Явно под влиянием идей структурализма появляется в последние десятилетия и целый ряд новых (нетрадиционных) методов исследования языка, в частности лексики и лексической семантики. Наиболее заметное место среди них заняли компонентный и дистрибутивный анализы, перекочевавшие в область лексико-семантических исследований из исследований в области фонетики и фонологии, то есть дисциплин, занимающихся изучением объектов, исключительно формальных по самой своей сути (природе).

Дистрибутивно-статистический анализ будет непосредственным предметом дальнейшего исследования, поэтому останавливаться на нем сейчас нет необходимости.

Компонентный анализ – «это метод исследования содержательной стороны языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие… Он основан на гипотезе о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов (сем) и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков»[9]. Используется этот метод для анализа и синтеза значений, а также для выявления тех или иных совокупностей («семантических полей») слов, находящихся в парадигматических отношениях, то есть совокупностей слов, имеющих общий (интегральный) семантический признак (сему, элементарный смысл, компонент значения, семантический множитель) и различающихся хотя бы по одному частному (дифференциальному) признаку. Этот метод находит свое применение и в некоторых специальных целях: определение закономерностей функционирования слов в речи, эксперимент, анкетирование и т. д.[10] Однако во всех случаях применения этого метода исходной ступенью является анализ семантики исследуемых единиц, который может осуществляться как путем логического рассуждения («интуитивно» – Кузнецова Э. В.), так и с помощью некоторых специальных процедур, претендующих на б**о**льшую объективность получаемых результатов и возможность автоматического их применения. Одной из таких процедур является, например, проце-

---

[9] Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. – С. 233 – 234. См., например, работы Ю. Д. Апресяна, О. С. Ахмановой, В. Г. Гака, Ю. Н. Караулова, А. М. Кузнецова, Э. В. Кузнецовой, В. А. Лукина, О. Н. Селиверстовой и др.

[10] Лингвистический энциклопедический словарь. – С. 233 – 234.

дура ступенчатой идентификации. Так, Э. В. Кузнецова пользуется этой процедурой («методом») как «средством описания семантической связи слов»[11]. Предостерегая от ошибок, возможных при «интуитивном» описании сем каждым отдельным исследователем, автор призывает обращаться в этих случаях «к одноязычным толковым словарям, в основе которых лежит интуиция лексикографов-профессионалов» и в которых «при толковании значений с необходимостью объективируются системные связи лексических единиц, поскольку определение значений одних слов осуществляется в них с помощью других слов того же языка, семантически связанных с первыми». По мнению автора, развернутые, аналитические определения в словарях представляют собой «образцы более или менее адекватного «разложения» значения одних слов на значения других» и состоят «из двух частей – идентификатора и словарных конкретизаторов». Однако все это «не исключает критического отношения к данным словарей, в частности к содержанию словарных определений», поэтому «лексикографическое описание следует рассматривать как первичные материалы, нуждающиеся в анализе». Сама же процедура ступенчатой идентификации «состоит в последовательном сведении слов через идентификаторы к словам с предельно обобщенным характером»[12].

Процесс компонентного анализа на основе словарных дефиниций при помощи ступенчатой идентификации иллюстрируется Э. В. Кузнецовой на примере слов *голова* и *слоняться*. В частности выявляется следующий состав компонентов слова *голова*:

1) ‘верхняя’ или ‘передняя’ (в отличие от ‘нижней и задней’);

2) ‘часть’ (в отличие от ‘целого’);

3) ‘внешней’ (в отличие от ‘внутренней’);

4) ‘формы’ (в отличие от ‘содержания’);

5) ‘живого’ (в отличие от ‘неживого’);

6) ‘существа’ (в отличие от ‘предмета’).

Далее утверждается: «Признак ‘содержащая мозг’ можно отнести к потенциальным, ибо в наружную характеристику человека это не входит. На том же основа-

---

[11] См. Кузнецова Э. В.: 1) Метод ступенчатой идентификации в описании лексико-семантической группы слов // Проблемы моделирования языка. Уч. зап. Тартуск. ун-та. Тарту, 1969. Т. 208. В. 3. Ч. II; 2) Ступенчатая идентификация как средство описания семантических связей слов // Вопросы металингвистики. Л., 1973.

[12] Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989. – С. 35 – 36.

нии мы можем не учитывать некоторых признаков, указанных в толковании слова *человек* (‘обладающий мышлением и речью’), так как они относятся не к внешнему виду человека, а к тем существенным характеристикам, которые выявляются только в процессе обобщающего научного познания человека как существа общественного, а не биологического»[13].

Если ориентироваться исключительно на указанные компоненты значения слова *голова*, то мы, в нашем бытовом (языковом) сознании, **обязаны** находить голову, скажем, у медузы (‘верхняя часть формы живого существа’), у всех простейших (амеб, парамеций и т. д.), микробов, вирусов и т. п., то есть действительно у всех «живых существ» в самом широком смысле этого слова. Кроме того, возникает еще целый ряд вопросов, остающихся без ответа: 1) Почему во «внешнюю форму» головы не включаются такие существенные признаки, как глаза, уши, рот, нос и т. д.? 2) Разве у мертвых (людей и животных) голова превращается во что-то другое? 3) Почему необходимо ориентироваться **только** на внешнюю форму живого существа? Декларативное заявление Э. В. Кузнецовой о том, что признаки ‘содержащая мозг’, ‘обладающий мышлением и речью’ могут не учитываться, потому что они относятся «к тем существенным характеристикам, которые выявляются только в процессе обобщающего научного познания человека как существа общественного, а не биологического», не представляется корректным и убедительным. Во-первых, «процесс обобщающего научного познания человека» необходимо предполагает изучение человека как существа <u>социального</u> и <u>биологического</u> в одно и то же время, как существа, взятого в диалектическом единстве этих его атрибутов. Во-вторых, в утверждении Э. В. Кузнецовой четко прослеживается явная недооценка общего культурно образовательного уровня русского (русскоязычного) народа.

Своеобразно в целях автоматизации процессов создания семантического (идеографического) словаря русского языка использует методы компонентного анализа и словарные толкования Ю. Н. Караулов. Отказавшись от неудовлетворяющей его идеи создания «искусственных семантических языков», но не от идеи анализа на основе семантических множителей, исследователь предлагает более «естественный», по его мнению, способ определения этих множителей, а именно – понимать под семантическим множителем всякое полнозначное слово в правой части (в дефиниции, на «выходе») толкового словаря[14]. Исходя из признания тождественности семантики

---

[13] Там же. – С. 38.

[14] Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976. – С. 181 – 182.

левой (собственно значение толкуемого слова) и правой (значение самого толкования) сторон в толковых словарях, Ю. Н. Караулов считает два слова «связанными друг с другом, если они имеют хотя бы один общий семантический множитель (компонент)»[15]. На этой основе и создается «Русский семантический словарь», произведенныё, как сказано авторами, «обыкновенной, хотя и умудренной хитроумными программами электронно-вычислительной машиной»[16]. Однако полученный результат, по словам самого Ю. Н. Караулова, «не согласуется с нашими интуитивными представлениями о структуре семантического поля и составе словарной статьи в общеязыковом (т. е. литературного языка) тезаурусе». Но дело здесь, по нашему мнению, не в «информационном шуме и искажениях на выходе», возникающих в результате применения «феноменологической модели в чистом виде» или же «с учетом в асимптотической модели проблемы соотношения синтаксиса и семантики», что, по мнению исследователя, позволяет разрешить «неадекватность отражения в сумме семантических множителей лексической и синтаксической информации, содержащейся в тексте словарной дефиниции»[17], а в ложности основной посылки: левая сторона словаря = правая сторона, – что естественным образом негативно сказывается и на всех дальнейших построениях. Ложность же этой посылки определяется как минимум двумя моментами. Во-первых, хорошо известно, что смысл целостного высказывания (суждения) далеко не есть **механическая** сумма значений составляющих это высказывание полнозначных слов и словосочетаний. И автоматическое (формализованное) применения как «феноменологической модели в чистом виде», так и «асимптотической модели», разработанной с опорой на частотный словарь семантических множителей, не позволяет, как нам представляется, окончательно разрешить «неадекватность отражения в сумме семантических множителей лексической и синтаксической информации, содержащейся в тексте словарной дефиниции». Во-вторых, словарное толкование **даже описательного** («развернутые аналитические определения» – Э. В. Кузнецова) типа вовсе не есть <u>само значение</u> толкуемого слова. Оно для этого просто не предназначено. Это не его функция. Поэтому описательное (не говоря уже о всех других, которых в толковых словарях не так уж мало) словар-

---

[15] Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980. – С. 5.

[16] Русский семантический словарь. М., 1982.

[17] Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. – С. 7 – 8.

ное толкование не заменяет значение слова и не идентично ему как по объему (*количеству признаков*), так и по качеству (*содержанию признаков*), что гораздо важнее. Словарное толкование предназначено для того, чтобы только **указывать** на значение толкуемого слова с той степенью точности, определенности, которых достаточно для «опознания», идентификации этого значения рядовым носителем языка.

Поясним сказанное разбором нескольких примеров.

Точнее всего, очевидно, значению толкуемого слова соответствуют описательные определения нейтральных существительных, прежде всего конкретных существительных и существительных-терминов. В этом случае толкования значительно сближаются с научными определениями понятий в энциклопедических словарях. Поэтому здесь обратная операция («кроссвордного» характера) «угадывания» слова по его толкованию довольно часто (хотя и не всегда) может быть осуществлена достаточно успешно[18]: ‘стихотворная двусложная стопа с ударением на втором слоге’ – *ямб*; ‘мера веса алмазов и других драгоценных камней, равная 0,2 г.’ – *карат*. Однако, с одной стороны, даже такие определения не всегда ***достаточно*** точно указывают на толкуемое слово: ‘герметически закрытое вместилище’ – *капсула*. С другой, как уже отмечалось, – значение толкуемого слова не есть простая сумма значений знаменательных слов в этом толковании, квазиосновы которых как раз и представляют в «Русском семантическом словаре» семантические множители. Так, значение описательного определения слова *дно* – ‘почва под водой водоёма’ (недостаточно корректного из-за тавтологии) далеко не равно только сумме элементарных смыслов (семантических множителей): ‘почва’ (‘верхний слой земной коры’) + ‘вода’ (‘прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой в чистом виде химическое соединение водорода и кислорода’) + ‘водоём’ (‘место скопления или хранения воды (озеро, бассейн и т. п.)’). Значение слова *дно* есть результат очень сложной реакции (а точнее – сама реакция) <u>всей</u> (учитывая грамматическую, прагматическую и т. д.) присущей ему собственно лингвистической семантики с экстралингвистической семантикой – культурно образовательным опытом народа и каждого отдельного человека. Вернее, как это ни покажется парадоксальным, значение слова *дно* и есть ‘дно’ (так же как значение выражения *мне хотелось* – это и есть ‘мне хотелось’, а *меня подмывало* – это и есть ‘меня подмывало’ и т. д.), которое семантизируется и актуализируется в таких сочетаниях, как: *Дно ручья, дно реки, дно озера, дно пруда, дно*

---

[18] Толкования приводятся по словарю: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978.

моря, дно океана, дно бассейна; песчаное дно, глинистое дно, каменистое дно; опуститься на дно, лечь на дно, идти ко дну и т. п.

Наибольшую же неопределенность, на наш взгляд, имеют толкования коннотативной лексики, то есть слов, обладающих эмоционально-оценочными, функционально-стилистическими (стилевыми) и т. п. приращениями смысла. Если попытаться на основе таких толкований восстановить описываемое слово, то сделать это часто бывает очень трудно, а в целом ряде случаев подобные попытки вообще могут оказаться безрезультатными: (*разг.*) ‘Подкрасить себе губы, лицо’; (*разг.*) ‘Подстрекать, подговаривать’; (*прост.*) ‘Наловчиться, научиться, приобрести навык к чему-н.’; (*прост.*) ‘Прикрикивать с угрозой’ и т. п. И дело тут, конечно, не в том, что пытающийся проделать подобную операцию не знает слов *подмазаться, подзуживать, насобачиться, цыкать*, а именно в самой природе и возможностях словарных толкований.

Все это свидетельствует о том, что между левой и правой сторонами толковых словарей не может быть безоговорочно поставлен знак равенства (тем более – тождества), а значит и о непригодности этих толкований для получения надежных результатов путем механических («бездумных») манипуляций, что достаточно отчетливо видно из результатов конкретного опыта применения автоматизированного способа составления «Русского семантического словаря». В нем, с одной стороны, действительна достаточно велика доля «шума» (присутствие лишнего), с другой (что, как нам подставляется, значительно важнее) – часто отмечается отсутствие необходимого и существенного, Например, статья дескриптора «Береза» в этом словаре представлена набором следующих слов: *береза, кора, лиственный, подберезовик, хвойный, дуб, липа, осина, почва, клен, листва, платан, пробка*.

Для сравнения приведем верхнюю часть исследуемого нами поля «Береза»: *белый* 144, *дерево* 96, *стройный* 82, *русский* 74, *роща* 74, *лес* 72, к*удрявый* 57, *стоять* 57, *зеленый* 53, *лист* 47, *сок* 43, *тонкий* 41, *Россия* 41 и т. д.[19]

Проведем беглый анализ.

Слова *хвойный* и *пробка* в статье «Русского семантического словаря» явно лишние. *Хвойный* включено по семантическим признакам ‘лист’ и ‘дерев(о)’, входящим в определение существительного *хвоя* ‘узкий, в виде иглы лист некоторых пород деревьев’, к которому (через помету «*см. хвоя*») отсылает читателя словарь С. И.

---

[19] Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. 1989. № 3. – С. 39 – 45.

Ожегова. Ясно, что в противопоставлении «хвойное – лиственное» семантика ‘береза’ оказывается связанной с оппозиционным семантике ‘хвойное’ членом.

Пробка описывает семантику слова *береза* по семантическому признаку ‘кор(а)’ в определении ‘наружная часть коры некоторых древесных растений (преимущественно так называемого пробкового дуба)’, что, если не делать соблазнительных натяжек, ничего существенно значимого по отношению к *березе* не имеет. И никакие отговорки и увещевания читателя в том, что в подобного рода семантических связях тоже есть свой смысл, абсолютно ничего не меняют[20].

Слово *почва*, хотя само по себе вполне уместное, оказывается в словарной статье совершенно случайно на основе якобы семантического множителя ‘кор(а)’, а действительно по омонимичному ему множителю в определении слов *почва* ‘верхний слой земной коры, а также *коры* другого небесного тела’.

Значительно более существенным недостатком рассматриваемого словаря, на наш взгляд, является не наличие «шума» (лишних, ненужных множителей), а отсутствие (иногда полное) необходимого (существенных для качественной семантизации множителей). Так, при наличии случайного ‘почва’ отсутствует более важный в данном случае признак ‘земля’. В результате применения принятой авторами процедуры[21] в статью не вошло ни одно слово из приведенного выше фрагмента поля «Береза», которые мы считаем наиболее существенными для описания (семантизации) значения слова *береза* в русском языке. Вообще же в данном конкретном случае все существенные признаки, достаточные для однозначного определения значения ‘береза’ вполне укладываются всего в два слова – *дерево* и *белый* (в крайнем случае – в три слова: *дерево, белый, кора*).

---

[20] Авторы словаря, например, склонны расценивать включения, «находящиеся, по мнению их оппонентов, как бы на грани ошибки… как такой ресурс русской лексической семантики, который не используется пока в широком речеупотреблении нейтрального стиля, но содержит в себе потенциал некоторых семантических преобразований и служит поставщиком, например, для поэтических парадигм». Русский семантический словарь. – С. 7. Заметим, что тайна «поэтических парадигм» принципиально не подлежит ведению науки и случайный результат «поэтического творчества» создателей «Словаря» (не машины!) «*хвойная береза*» не имеет абсолютно ничего общего с принципиально возможным сближением этих понятий-образов в собственно поэзии.

[21] Русский семантический словарь. – С. 8.

Истоки определенных неудач структурных и излишне формализованных методов изучения содержательной стороны языка нам видятся в некоторых слабостях частных и общих методологических позиций, занимаемых авторами такого рода исследований.

Признавая полную правомерность и необходимость формального подхода к языковым явлениям в определенных случаях, считаем необходимым напомнить, что формализовать и математически описать можно лишь то, что принципиально подлежит формализации по самой своей сути (природа), то есть, прежде всего, саму форму. Исходя из факта сложного диалектического единства формы и содержания, мы, несомненно, должны признать и возможность исследования содержательной стороны языка путем исследования его формы – знания о ***форме*** должны дать нам и определенные знания о ***содержании***. Однако не следует забывать, что анализ содержания путем анализа его формы – это лишь один из возможных способов анализа этого содержания, и способ не основной, а вспомогательный: «Любая формализованная теория беднее соответствующей ей содержательной теории: выигрывая в точности, она достигает этого за счет сознательного отвлечения от многих сторон рассматриваемого содержания»[22]. Качество же **любого** содержания вообще никак не может быть измерено, а следовательно, и формализовано – оно может быть только тем или иным образом оценено, проиндексировано и т. п., но не представлено ***как таковое*** (во всем своем своеобразии) в формальном виде.

Попытки же формализовать качественно-содержательную сторону языка (то есть собственно качество содержания мысли, идеи, смысла, значения, понятия и т. п.), явления **идеальныого** по своей природе (как бы мы при этом ни решали основной вопрос философии), наталкиваются на целый ряд дополнительных трудностей, непреодолимых **принципиально**. Природа и свойства идеального во многом еще не

---

[22] Краткий словарь по философии. М., 1982. – С. 370. Ср., однако: «Задача исследователя, поставившего себе целью создание теории, состоит именно в том, чтобы *формализовать* наши первоначально интуитивные знания об объекте. Только формальная теория допускает экспериментальную проверку и однозначную передачу наших знаний другим лицам». Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. – С. 15 – 16. Ср. также: «Формализация – такой путь исследования каких-либо объектов, когда их содержание познается с помощью выявленных элементов его формы». Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1976. – С. 646.

изучены и не понятны. Становится, однако, все более очевидным, что в нем **всё** «не так», что в нем нет пространства и времени (то есть измеряемых обычными способами явлений) в привычном для нас понимании[23]. Как, например, измерить идеи ‘дом стоит’ или ‘дерево растет’? Как формально (в каких формулах, схемах и т. п.) разграничить сами чувства стыда и совести, совести и покаяния, счастья и горя (печали) и т. д.? Представить схематически, формализовать и т. п., на наш взгляд, можно не **собственно** то или иное **качество идеального** содержания (значения слова, понятия и т. д.), а лишь ту или иную форму мысли, те или иные отношения между формальными единицами мышления (формальная (символическая) логика), те или иные виды проявления этого качества, его симптомы (симптоматические модели) или же полученные обычным (традиционным, интуитивным) путем модели и конструкты различного вида и уровня абстракции, в том числе, несомненно, и словарные толкования. В последнем случае формализация и схематизация «якобы» смысла (качества содержания) сводится по существ к формализации, математическому моделированию и автоматической обработке исходно «интуитивно» (путем логических рассуждений на основе собственного языкового опыта исследователей, «лингвистов профессионалов») полученных конструктов этого смысла, то есть явлений достаточно неопределенных (неточных, а иногда и весьма приблизительных) со строго **научной** точки зрения.

Наряду с изучением собственно структуры языка, формы его единиц всех уровней (формально-структурное направление в лингвистике) значительное внимание в последние годы уделяется исследователями рассмотрению закономерностей функционирования языка, его основных функций как средства человеческого общения и функций его различных единиц и категорий в процессе общения – функциональная лингвистика. Широкое распространение в нашей стране получают исследования в области функциональной грамматики, а также описания языка в коммуникативном аспекте, выдвигающие на первый план коммуникативную функцию языка (см., например, работы Н. Л. Арутюновой, А. В. Бондарко, Л. Л. Буланина, В. Г. Га-

---

[23] См., например: Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988. – С. 199 – 230. Об условности применения к идеальному понятий «время» и «пространство» и связанных с этим проблемах см. Ничипоренко В. Ф.: 1) Проблемы лингвобиологии: Биологические и психические аспекты мышления и речи. М., 1982; 2) Социальность-знаковость в мышлении и речи (на осознаваемом и неосознаваемом уровнях). М., 1982.

ка, В. А. Звегинцева, Г. А. Золотовой, Ю. С. Маслова, И. И. Мещанинова, Н. А. Слюсаревой, Н. Ю. Шведовой, М. А. Шелякина и др.).

«Специфика функциональной грамматики, – пишет А. В. Бондарко, – может быть выявлена лишь на основе принципа единства системно-структурного (системно-категориального) и функционального аспектов грамматики как целого. Первый аспект – это система грамматических единиц, классов и категорий (а также связанных с ними лексико-грамматических и словообразовательных явлений)… Второй аспект – это система закономерностей и правил функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных языковых уровней, участвующих в выражении смысла высказывания. Этот аспект связывает систему языка и систему речи, парадигматику и синтагматику, статику и динамику. Он имеет непосредственный выход в конкретную ситуацию речи, в процесс коммуникации. Оба аспекта, как уже говорилось, образуют неразрывное единство»[24]. Описание в функциональной грамматике «строится не по отдельным уровням и аспектам грамматической системы (морфология, словообразование, синтаксис простого и сложного предложения), а на основе опоры на функционально-семантические единства данного языка, объединяющие элементы разных уровней, взаимодействующие на семантической основе»[25].

Одним из центральных понятий функциональной грамматики является понятие функционально-семантического поля (категории), восходящее к теории понятийных категорий О. Есперсена и И. И. Мещанинова. «Функционально-семантическое поле (ФСП) – это система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функция… Термин ФСП выдвигает на первый план идею группировки (упорядоченного множества) взаимодействующих на семантико-функциональной основе языковых средств и их системно-структурной организации. Вместе с тем существует параллельный термин «Функционально-семантическая категория», подчеркивающая семантико-категориальный аспект того же предмета исследования…»[26]. Исходя из этого, А. В. Бондарко и его единомышленниками и последователями выявляются и тщательно описываются ФСП самого

---

[24] Бондарко А. В. Функциональная грамматика. М., 1984. – С. 3.

[25] Там же. – С. 4.

[26] Там же. – С. 21 – 22.

различного характера: аспектуальности, темпоральности, залоговости, персональности, бытийности, казуальности, модальности, локативности и т. п., то есть достаточно абстрактные совокупности языковых средств, определяемые на основе общих (отвлеченных) семантических функций[27].

Под функцией языковой единицы А. В. Бондарко понимает «ее способность к выполнению определенного назначения, потенциал функционирования (в «свернутом виде»), и вместе с тем реализацию этой способности, т. е. результат функционирования»[28]. Потенциал функционирования – это «комплекс основных правил функционирования (поведения), входящих в функциональную характеристику данной единицы»[29].

Таким образом, функционально-семантические поля – это полученные в результате научной классификации (абстракции) совокупности языковых средств (классификационные совокупности, разделительные категории), способных к выполнению определенного семантического (прежде всего – абстрактно-грамматического) «назначения» и характеризующиеся определенным комплексом основных правил поведения (функционирования). Следовательно, по самой своей сути они представляют собой совокупности языковых единиц **парадигматического** характера (хотя и очень широко понимаемые и описываемые при помощи специальной фразеологии, но выявляемые по обычному (широко распространенному) принципу наличия общего (предельно абстрактного) семантического признака – аспектуальность, темпоральность, модальность, каузальность и т. д.).

2. Из истории изучения лексической системности в отечественном языкознании

Одним из центральных вопросов, которые вставали и продолжают вставать перед исследователями системных отношений в лексике, лексико-семантических связей в языке, является вопрос о характере отдельных совокупностей слов и отношении этих совокупностей друг к другу. Впервые наиболее открыто у нас в стране эта проблема, как известно, была поставлена в 1957 году Ф. П. Филиным, разграничившим на определенных основаниях лексико-семантические (ЛСГ) и тематические

---

[27] Понятия «функция», «функционирование», «потенциал функционирования», «семантический потенциал» см.: Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – С. 26 – 42.

[28] Там же. – С. 29.

[29] Там же. – С. 27.

(ТГ) группы слов. По его мнению, в ТГС объединяются слова на основе содержаний обозначаемых ими понятий «почти безотносительно к тому, в каких отношениях находятся слова по их лексическим значениям»[30]. Это обычно слова одной части речи (чаще всего – существительные), выделяемые на основе общего элемента в концептуальном ядре их значений, т. е. темы: наименования частей тела, предметов обуви, водоемов и т. п.[31]. В ЛСГ включаются слова уже непосредственно по их лексическим значениям, т. е., по мнению Ф. П. Филина, на основе собственно языковых критериев. Эти группы рассматриваются им как «представляющие собою внутреннее специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития: синонимы, антонимы» и т. д. И «если отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями, причем при различных классификационных целях слова могут объединяться и разъединяться, что не затрагивает в чем-либо существенном их значения»[32], то изменения отношений в ЛСГ «оказывают воздействие на развитие значения отдельного слова... на самый состав лексико-семантической группы и ее дальнейшую судьбу...»[33].

В то же время, несмотря на проведенные разграничения, Ф. П.Филиным постоянно подчеркиваются неразрывное диалектическое единство внешних (экстралингвистических) и внутренних (собственно лингвистических) принципов организации лексики и неотделимость классификации по ЛСГ от тематической классификации. Он считает, что любая ЛСГ имеет свою тему и что «в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собою лексико-семантические группы слов»[34]. Каждая ЛСГ, таким образом, «входит в то или иное тематические объединение слов, являясь его составной частью»[35].

Д. Н. Шмелев, говоря о внеязыковых критериях выделения тематических групп, также подчеркивает, что «для лингвистики ... вовсе не безразлично, как чле-

---

[30] Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. – С. 526 – 527.

[31] Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики М., 1973. – С. 107.

[32] Филин Ф. П. Указ. соч. – С. 529.

[33] Там же. С. 536.

[34] Там же. С. 527.

[35] Там же. – С. 528.

нится в каждом конкретном языке данная предметно-смысловая область»[36], что «многие тематические группы слов оказываются при ближайшем рассмотрении также и лексико-семантическими группами»[37] и, «только выделив различные тематические группы, можно обнаружить семантическое своеобразие каждой из них»[38].

В настоящее время изучение разнообразных лексических полей и групп является основным предметом многих лингвистических исследований, хотя выделение и разграничение этих объединений осуществляется на самых разных основаниях[39]. Однако, несмотря на все различия, в подобного рода работах есть и одно общее: в них слова, как правило, объединяются в отдельные поля и группы на основе инвариантного принципа – наличия того или иного рода общего признака в их форме или содержании. На этом же принципе основывается обычно и само понимание лексической системности. Поэтому при выявлении лексических объединений исходят прежде всего из понятий общих и различительных признаков, интегральных и дифференциальных компонентов значения и т. п., что приводит к конструированию лексических объединений парадигматического характера, т. е. совокупностей слов, представляющих собою достаточно высокую степень научной абстракции – собственно научных, классификационных совокупностей (лексико-семантических, функционально-семантических, тематических, семантических, понятийных и т. п. полей и групп).

Ограниченность и односторонность такого подхода и необходимость изучения реальных языковых совокупностей уже достаточно давно отмечалась исследователями. Например, еще в 1928 г. Л. В.Щерба, выступая против формализма в грамматике, убежденно писал о том, что «исследователю вовсе не приходится *классифицировать* слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается

---

[36] Шмелев Д. Н. Указ. соч. – С. 14.

[37] Шмелев Д. Н. Указ. соч. – С. 103.

[38] Там же. – С. 14.

[39] Так, например, авторы одной из работ по семасиологии говорят о ЛСГ как об «объединении слов... одной части речи», а о ТГС – как о «совокупности на основе семантической общности слов разных частей речи». Шрамм А. Н., Степанова Г. В. Введение в семасиологию русского языка. Калининград, 1980. – С. 49. О различных принципах выявления лингвистических полей см.: Шур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974.

самой языковой системой...»[40]. Однако стремление классифицировать все по «очень умным, но предвзятым принципам» и в наши дни находит многих сторонников. В научной литературе последнего времени имеется значительное количество работ, посвященных изучению тех или иных лингвистических совокупностей, выбранных для исследования на основе признака, произвольно заданного самими же исследователями: существительные интеллекта, прилагательные размера, семантическая микросистема времени, лексико-семантическое поле отношения, лексико-семантическая группа «множество» и т. д. И хотя такое изучение языка вполне правомерно и необходимо (прежде всего, в чисто познавательных целях), оно в ряде случаев оказывается явно недостаточным.

Стремление к объективности и непредвзятости описания системных отношений в лексике находит отражение в работах, основанных на использовании более точных методов анализа. Например, задачу, «не обращаясь к анализу значений, выявить связи слов и соответствующие группы слов» ставит в 1963 г. А. Я. Шайкевич[41]. Он исходит из гипотезы, что «слова, связанные по смыслу, должны часто встречаться в тексте недалеко друг от друга и, наоборот, слова, часто встречающиеся вместе в осмысленном тексте, связаны друг с другом по смыслу»[42]. Основное теоретическое положение исследования формулируется автором следующим образом: «парадигматические (системные) связи, или связи второго порядка, должны выводиться из связей синтагматических (текстуальных). Два элемента связаны парадигматически, если оба они связаны с какими-то третьими элементами»[43].

---

[40] Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. – С. 64.

[41] Шайкевич А. Я. Распространение слов в тексте и выделение семантических полей // Иностранные языки в высшей школе. М., 1963. Вып. II. – С. 15.

[42] Там же.

[43] Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. – С. 370. В связи с этим необходимо отметить некоторые особенности разграничения синтагматических и парадигматических отношений в лексике по сравнению с другими уровнями языка (например, морфологическим). Все, что в лексике находится в «вертикальных» парадигматических рядах, всегда может быть обнаружено и в «горизонтальных» синтагматических рядах (*ветви дерева; стол и стул; день да ночь; далеко ли, близко ли* и т. п.) и, следовательно, выведено из таких рядов (текстов). О сложности и условности

Обращение к анализу такого рода обосновывается А. Я. Шайкевичем необходимостью отойти от «жестких логических схем построения», приводящих к созданию «искусственных моделей, весьма далеких от предполагаемых «естественных» систем языка»[44]. Единственным объективным методом анализа объявляется дистрибутивно-статистический анализ (ДСА), который «есть сумма формальных алгоритмических процедур, направленных на описание языка и опирающихся только на распределение (дистрибуцию) элементов в тексте»[45].

Объективность как одно из основных преимуществ ДСА отмечается и Б. А. Плотниковым: «Объективность дистрибутивно-статистического анализа подтверждается тем, что результаты, получаемые в ходе применения одной и той же методики этого анализа, практически никогда не зависят от того, кто осуществляет лингвистическое исследование: разные специалисты, применяя данный метод на одном и том же лингвистическом материале, получают адекватные результаты»[46].

О дистрибутивно-статистическом методе как об одном из трех основных методов обнаружения лексико-семантических связей слов (ассоциативный эксперимент, дистрибутивно-статистический анализ, компонентный анализ) говорит В. А. Москович[47] и другие.

Однако во многих исследованиях подобного рода речь часто идет все же не об обнаружении действительно естественных лексических объединений, а либо об особом (основанном на применении формальных алгоритмических процедур) способе выявления все тех же семантических полей парадигматического характера, либо

разграничения парадигматических и синтагматических реакций в ассоциативном эксперименте см.: Залевская А. А. Из опыта сопоставления ассоциативных реакций в условиях различных культур // Психолингвистика в обучении русскому языку нерусских. М., 1977. – С. 165 – 166.

[44] Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике. – С. 354.

[45] Там же. – С. 355.

[46] Плотников Б. А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений. Минск, 1979. – С. 6.

[47] Москович В. А. Три метода обнаружения лексико-семантических связей слов // Вопросы описания лексико-семантической системы языка. М., 1971. – С. 35 – 38; Он же. Методы обнаружения лексико-семантических связей слов // Иностранные языки в школе. 1972. № 6. – С. 10 – 22.

об объективном описании достаточно искусственных, отвлеченных явлений, умозрительно заданных самим же исследователем. В последнем случае исследователем языка произвольно (априори) выбирается некоторая группа слов с определенным общим элементом значения, которая извлекается из системы и лишь затем изучается с той или иной степенью объективности.

Наряду с этим в последнее время отмечаются попытки применения коммуникативно-ориентированных способов анализа лексики, в основном исходя из практических потребностей обучения русскому языку иностранцев. Весьма показательными в этом отношении представляются нам работы И. А. Стернина.

Основное внимание в своей научной деятельности И. А. Стернин уделяет изучению реальных («психологически реальных», достаточно адекватно, по его мнению, отражающих «лексическую компетенцию носителей языка») значений слова, противопоставляемых языковым (представленным словарными толкованиями и «недостаточно адекватно отражающими лексическую компетенцию носителей языка») значениям[48].

Непосредственным предметом (и результатом) своего анализа автор делает «конкретные семантические компоненты» «психологически реальных значений слов», образующих «лексическую компетенцию носителей языка»[49]. Противопоставляя «коммуникативную лингвистику» «докоммуникативной лингвистике», И. А. Стернин делает попытку обосновать «коммуникативный подход к слову»[50]. Основной целью «коммуникативной лингвистики», пишет он, является «анализ языковых

---

[48] Ср. противопоставление типов значений: реальное – лексическое, речевое – языковое, внеязыковое – языковое, денотативное – сигнификативное, актуальное – виртуальное и т. п., – уже давно находящихся в поле зрения исследователей языка. См., например: 1) Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды // Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974. – С. 27 – 53 (статья написана в 1922 г.); 2) Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965; 3) Талицкая Е. Е. К вопросу о лексических и реальных значениях слов в толковых словарях // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. – С. 225 – 233.

[49] Стернин И. А. К разработке словаря лингвистической компетенции // Учебные словари и система средств обучения русскому языку как иностранному. М., 1986.

[50] Стернин И. А. Коммуникативный подход к слову и обучение лексике // Языковая системность при коммуникативном обучении. М., 1988.

единиц в условиях конкретных коммуникативных актов и рассмотрение высказывания (текста) как отправного звена анализа языка»[51]. То есть речь в данном случае идет, по существу, о компонентном анализе реальных значений слов, учитывающем, как считает И. А. Стернин, не только языковые (существенные, общие и т. п.), но и речевые (малосущественные, частные и т. п.) элементы смысла (значения, содержания). К этому, в представлении автора, и сводится в конечном итоге «коммуникативная лексикология».

Таким образом, исследование слова в коммуникативном аспекте, коммуникативно-ориентированное описание лексики русского языка оказывается направленным не на изучение (на наш взгляд, совершенно необходимое в этом случае) реальных текстуальных связей слов, сложного взаимодействия синтагматики и парадигматики, правил и закономерностей функционирования слов в речи и т. п., а на выявление определенными способами, не лишенными значительной доли субъективизма, перечней («наборов») компонентов «психологических реальных (речевых) значений слов».

В связи со сказанным возникает вопрос о возможностях (пределах, границах) и способах изучения лексики, номинативных единиц языка (слов и словосочетаний) в коммуникативном аспекте. Нам такие исследования представляются не только правомерными, но и необходимыми. И связываем мы их прежде всего с выявлением и описанием не классификационных (искусственных, разделительных), а реальных (естественных, собирательных) совокупностей номинативных единиц языка, дающих представление о действительном взаимодействии этих единиц в речевом общении людей (в тех или иных речевых актах, в тех или иных текстах)[52]. При этом главными задачами являются: 1) определение ведущих принципов обнаружения реальных совокупностей номинативных единиц, 2) установление их лингвистического

---

[51] Стернин И. А. Коммуникативный подход к слову и обучение лексике. – С. 104.

[52] О разграничении научных, классификационных и реальных, естественных совокупностей см.: Чупров А. А. Очерки по теории статистики. СПб., 1910. – С. 113 – 116 . О методологическом статусе и содержании собирательных и разделительных категорий (множеств, совокупностей и т. п.) см.: Мартыненко Г. Я. Основы стилеметрии. Л., 1988. – С. 18. Ср. также разграничение логических (научных) и перцептивных (свободных) классификаций в работе: Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984. – С. 146 – 164.

статуса, 3) создание наиболее адекватных моделей этих совокупностей. Для решения данных задач, по нашему мнению, принципиальным становится отказ от самого классификационного принципа обнаружения лексических совокупностей, позволяющего выявлять исключительно разделительные (собственно классификационные) множества.

Основные различия между изучением классификационных и реальных совокупностей попытаемся показать на следующем (конечно, несколько упрощенном) примере.

Мы можем изучать в каком-то городе строения с тем или иным общим признаком, допустим, дома с колоннами. В этом случае нам необходимо мысленно извлечь (абстрагировать) их из реальной системы зданий города и сравнить между собою по интересующим нас признакам. В конечном итоге мы получим определенные сведения об особенностях домов с колоннами и узнаем тем самым кое-что (правда, не очень многое) о самом городе и уж совсем мало - о его реальном устройстве. Но мы можем рассмотреть тот или иной фрагмент (участок, квартал, район и т.п.) города во всей его сложности, разносторонности и разноаспектности, во всех его реальных внутренних и внешних связях и отношениях и т. п. Это уже иной (более конкретный) путь к познанию истинной структуры города. В целом примерно так же обстоит дело при изучении, скажем, видов растений и системы растений на определенном участке («фрагменте») леса, людей по их внешним признакам, интересам, профессиям и т.п. и тех или иных реальных общественных групп и коллективов (производственных, учебных, спортивных и т. п.) и т. д. Несомненно также и то, что оба указанных пути (способа) практически неотделимы друг от друга и составляют диалектическое единство в движении по маршруту «конкретное – абстрактное – конкретное». Так, например, без знания классификаций (семейств, родов, групп, видов, подвидов и т. п.) растений мы не можем изучать и их естественные совокупности. Точнее, научные классификации (абстракции) – есть путь (инструмент, способ) к познанию реальных совокупностей (конкретностей).

Соответствующие аналогии, вне всякого сомнения, могут быть проведены и в области лингвистических явлений, где движение от уже достаточно хорошо изученного абстрактного к конкретному становится, на наш взгляд, настоятельной необходимостью. О такой необходимости свидетельствуют как уже приводившиеся выше высказывания лингвистов об их «стремлении отойти от жестких логических схем построения», так и постоянные указания исследователей языка на возможность выявления тех или иных реальных (естественных) лексических совокупностей. Так, на-

ряду с исследованием классификационных объединений слов, в научной литературе последних лет можно отметить целый ряд работ, в которых рассмотрение лексических объединений проводится с принципиально иных позиций, а именно – с ситуативно-тематических позиций, основывающихся на том, что коммуникативно-номинативная и речемыслительная деятельности людей всегда заданы и организованы тематически, всегда предметны. В этом случае к «тематическим», а точнее – ситуативно-тематическим, группам (СТГ) относят «такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой... но общая идентифицирующая (ядерная) сема для них не обязательна»[53]. Эти объединения образуют слова разных частей речи, а сами объединения являются комплексными (или комбинаторными) полями, возникающими «при сложении парадигматических и синтагматических смысловых полей»[54]. В. В. Морковкин считает, что «характерной чертой языковой коммуникации является ее тематическая привязанность... мы обычно не просто говорим, а говорим на определенные темы»[55] и что «основной единицей тематического списка является тематико-ситуативная группа... слов, связанных с определенной темой»[56], а частотность конкретного слова – «это локальная частотность, определяемая при помощи статистического анализа определенного тематически однородного массива»[57]. «...Весьма значительные по количеству лексем словарные группы, ряды, микросистемы, построенные на основе общности сферы функционирования и использования их компонентов», которые «называются тематическими, или предметно-отраслевыми», – отмечает И. В. Шадурский[58]. Аналогичного рода поля и группы рассматриваются рядом исследователей и в работах, посвященных вопросам преподавания неродных языков: И. П. Слесаревой (тематические группы),

---

[53] Васильев Л. М. Теория семантических полей // ВЯ. 1971. № 5. – С. 110.

[54] Там же. – С. 113.

[55] Морковкин В. В. Тематический список русских слов (1177 слов) // Лексические минимумы русского языка. М., 1972. – С. 92.

[56] Там же. – С. 93.

[57] Морковкин В. В. Сравнительный список наиболее употребительных русских слов (на материале шести словарей) // Лексические минимумы русского языка. М., 1972. – С. 18.

[58] Шадурский И. В. Тематическое изучение лексики // Методы изучения лексики. Минск, 1975. – С. 49.

В. И. Половниковой (тематико-понятийные классы), М. И. Гореликовой и Г. М. Магомаевой (тематические поля) и другими.

Одним из возможных способов обнаружения состава лексических объединений подобного рода, на наш взгляд, может быть ДСА слов, задающих тему (слов-тем: *город, зима, лес* и т. п.). В результате такого анализа как раз и выявляются прежде всего стандартные совокупности лексем языкового характера, объединяющихся именно «одной и той же типовой ситуацией» употребления, определяемой лишь темой общения. Такие совокупности могут быть охарактеризованы как ситуативно-тематические поля (СТП). Оптимальными «интервалами текста»[59] в этом случае, скорее всего, будут интервалы, соответствующие «минимально необходимым и достаточным контекстам»[60], которые находим, главным образом, в виде иллюстративного материала по употреблениям того или иного слова в словарных картотеках.

Составы СТП могут выявляться также и в результате анализа лексики целостных связных текстов на одну тему. Совокупности постоянно повторяющихся в этих текстах слов должны образовывать лексические объединения, самой «практикой речи отлагаемые во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу»[61]. Следовательно, с одной стороны, это объединения, существующие в «языковом материале» («совокупности текстов» – Л. В. Щерба) и являющиеся, таким образом, элементами языковой системы, с другой – это объединения, отражаемые в результате коллективного речевого опыта в языковом сознании людей и являющиеся в этом случае элементами языковой способности. Наиболее стандартные (устойчивые, социально значимые) части СТП можно рассматривать в качестве достаточно стабильных лексических совокупностей и получать путем статистической обработки необходимого массива тематически однородных текстов, что, в сущности, также является одним из вариантов ДСА слова-темы, осуществляемого на основе использования «максимальных интервалов текста» – целых текстов[62]. Основным и непременным условием выявления таких полей является условие тематического единства этих тек-

---

[59] Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1982.

[60] Головин Б. Н. Значение слова и контекст // Тезисы докладов межвузовского симпозиума составителей «словаря М. Горького». Киев, 1966. – С. 16 – 17.

[61] Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. – С. 52.

[62] Шайкевич А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ текстов… – С. 15 – 26.

стов, их семантической цельности – быть обозначениями все равно какой, но одной и той же ситуации (предмета, события, темы и т. п.)[63], т. е. естественное, реальное условие любого осмысленного речевого общения вообще.

Обнаружение подобных лексических объединений возможно, очевидно, и с некоторых других позиций, например, идеографических (на основе закона о «семантическом согласовании»)[64]. Однако в любом случае необходимо признать реальность и языковой статус СТП рассматриваемого типа.

С другой стороны, широкое распространение в последнее время получили психолингвистические методы изучения лексики, в частности – ассоциативный эксперимент (АЭ). В связи с этим перед исследователями языка встал вопрос о соотношении текстовых и экспериментальных исследований, а также вопрос о лингвистическом статусе, отношении к системе языка и речи, принципах классификации и т. п. как самих вербальных ассоциаций, так и получаемых в результате АЭ ассоциативных полей (АП). Известно, что объективность результатов АЭ может быть подтверждена или, наоборот, опровергнута путем их сопоставления с результатами, полученными при помощи других методов лингвистического анализа, например, ДСА[65].

---

[63] В. Я. Шабес говорит о трех видах содержательных единиц, проецируемых на план языкового выражения: концепте, событии и ситуации (все они, по нашему мнению, могут быть объединены под общим понятием *темы*). Шабес В. Я. О проекции содержательных единиц на план выражения // ВЯ. 1984. № 5. – С. 49 – 59. Дальнейшую разработку этих понятий см.: Шабес В. Я. Событие и текст. М., 1989.

[64] Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972. Ср. также понятие «тематической сетки текста»: Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. Л., 1984. – С. 3 – 11. Интересный и весьма показательный опыт лингво-статистического исследования лексики текстов Пушкина, Тютчева и Баратынского еще в 1916 году был проведен Андреем Белым: А. Белый. Из книги «Поэзия слова». Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика. М., 1983. – С. 551 – 556.

[65] «Для обоих этих направлений важно, видимо, было бы установление степени соответствия друг другу получаемых результатов, а тем самым приближения к той объективной реальности, поиском которой и занята семасиология». Супрун А. Е., Клименко А. П., Толстая М. С. К сопоставлению психолингвистического и дист-

Сопоставления подобного рода проводятся, главным образом, в целях изучения значений лексических единиц и их совокупностей. Закономерной является также постановка вопроса о том, могут ли быть обнаружены языковые лексические объединения, соответствующие по своему составу и структуре АП[66].

АП, по всей вероятности, могут быть рассмотрены в качестве тематически однородных лексических объединений, задаваемых и организуемых словом-стимулом (по существу – тоже темой)[67]. Предварительные наблюдения показывают значительную близость состава и структуры АП и СТП. Более того, есть, очевидно, достаточные основания считать АП психологическими аналогами соответствующих им (одноименных с ними)[68] СТП.

рибутивного анализа семантики // Методы экспериментального анализа речи. Минск, 1968. – С. 122.

[66] «...Особый интерес представляет сравнение сведений о структуре семантических совокупностей слов, полученных разными путями, в том числе - путем психолингвистического и дистрибутивного анализа их значений». Клименко А. П. Вопросы психолингвистического изучения лексики. Минск, 1970. – С. 26. «…Закономерности распределения слов в свободном ассоциативном эксперименте и вероятность появления их в потоке речи… чрезвычайно близки»; Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1997. – С. 10. Ср. также постановку вопроса о соотношении «ассоциативного поля и семантической микросистемы языка – семантического поля» в работе: Новикова Н. С. Ассоциативный эксперимент как метод изучения семантических отношений в лексике // Вопросы семантики. Калининград, 1983. – С. 8 – 13.

[67] О понимании слова-стимула как слова-темы см., например: Новикова Н. С. Ассоциативный эксперимент как метод изучения семантических отношений в лексике. – С. 8 – 13; Овчинникова И. Г. Текстообразующая роль вербальных ассоциативных структур. Кандидатская диссертация. 1986. – С. 28.

[68] Понятие «имя поля» см.: Новикова Н. С. Инвариантное значение имени поля и внутренняя структура ядра // Филологические науки. 1985. № 4. – С. 73 – 78.